

От автора

Эту историю я не придумывала. Все, о чем я хочу рассказать, происходило с моими (и вашими, наверное) друзьями и приятелями в нашей стране и в наше время. Поэтому кто-то наверняка узнает главную героиню, кто-то — главного героя, а кто-то — и самого себя.

Да и какие могут быть выдумки, если жизнь подкидывает такие встречи, устраивает такие совпадения, закручивает такие сюжеты, что ни у одного автора не хватит на это воображения.

Глава первая

Конечно, ни для кого уже давно не секрет, что врачи тоже люди. У них могут случаться неприятности, они могут быть везучими и невезучими, обожать семью и домашних животных, дружить и верить в дружбу. Могут влюбляться и расставаться... Впрочем, как и обычные люди.

Наша история началась в кабинете районной поликлиники. Но речь пойдет вовсе не о загадочных и неизлечимых болезнях. Даже более того, мы изо всех сил постараемся об этих самых болезнях не рассказывать. Хотя, увы, совсем без этого не сможем.

А станем мы рассказывать об Оле, Ольге Викторовне Крыловой, если уж совсем официально. Она хирург, и неплохой. Ведущий сосудистый хирург специализированного отделения в огромной клинике, решительная и временами даже резкая. При этом недурна собой, перешагнула тридцатилетний рубеж, скажем так, отнюдь не вчера и... не замужем.

Конечно, у нее, как у почти всех взрослых девочек, бывали и влюбленности, и даже попытки семейной жизни разной степени тяжести. Но вот сейчас она решительно одна и, кажется, даже не надеется что-то изменить в своей жизни. Во всяком случае, не предпринимает для этого решительных многочисленных шагов, как того требует Вера Ильинична, Олина мама. Но лучше все-таки по порядку.

Это было в начале лета прошлого года. Оля мечтала об отпуске. Мечтала, как всегда, деятельно: пусть и с боем,

но подписала сначала у заведующим, а потом и у главного врача заявление, купила новый чемодан, забронировала путевку к теплому морю (рассчитывая выкупить ее из полученных отпускных). И вот теперь досиживала последние дни, с надеждой посматривая на календарь.

Начальство, вероятно, осознавая вину перед Олей, на последнюю предотпускную неделю отправило ее в комиссию по диспансеризации.

Для нашей героини это был уже почти отпуск, во всяком случае определенный отдых. Да, бумаг было море, но зато пациенты обходили ее десятой дорогой. Вернее, они появлялись в кабинете на несколько минут, скупно отвечали на вопросы, нехотя позволяли себя осмотреть и исчезали с заветной печатью.

Заканчивался рабочий день среды. Под дверью уже никого не было, Оля с облегчением поставила последнюю точку в последней на сегодня карточке и потянулась. Часы честно показывали начало шестого. Впереди был огромный теплый вечер — неторопливая прогулка под каштанами домой, ледяной сок из холодильника, возможно, новое кино...

Но больше ничего придумать Оля не успела. Распахнулась (а не приоткрылась робко) дверь в кабинет. И на пороге появился шкаф. Во всяком случае, так в первое мгновение показалось Оле.

Правда, уже через секунду она поняла, что это просто пациент — крупный, высокий, широкоплечий, какой-то весь прямоугольно-угловатый. А вот лицо у пациента было нормальным, человеческим — улыбающийся парень смотрел с высоты своих двух метров с чуть искаженной улыбкой.

— Ой, здравствуйте...

— Добрый вечер.

Оля сделала ударение именно на слове «вечер» — дескать, приходите завтра, юноша. Но молодой человек намека не понял (ну, или сделал вид, что не понял).

— Мне бы тут...

— Простите, но на сегодня прием уже закончен. Давайте завтра, после девяти.

— Ну-у... — Судя по всему, потенциальный пациент не готов был приходиться сюда еще раз. Так, во всяком случае, поняла Оля.

— Пожалуйста, молодой человек! Завтра с девяти до шестнадцати тридцати... — Оля подошла к двери, чтобы выдвинуть посетителя обратно в коридор.

Улыбающийся шкаф, напротив, сделал полшага вперед.

— Та я... я был уже здесь. — Голос посетителя Оле понравился. — Просто тогда тут сидел старенький такой дядечка...

— И что? — Мечта о спокойном вечере отодвигалась все дальше и дальше.

— Так он мне велел прийти сегодня. Ну, за карточкой. Захожу, а тут такая краля...

Олю не то чтобы покорило слово «краля», но... Да, красавицей она себя не считала, но была уверена, что недурна. Да и зеркало, в общем, с ней соглашалось.

— Молодой человек, что вам нужно? — Терпение Олю уже почти покинуло.

— Так карточка же... Дедуля сказал прийти ближе к шести, вот я и пришел. А тут...

— Да, я поняла, «краля», а не дедуля. Ваша фамилия?

Карточек, конечно, было предостаточно. Зачем этому шкафу вообще понадобились медицинские записи, Оле было неинтересно. Ну понадобились — и хорошо. На одного клиента меньше. То, что перед ней не пациент, а именно клиент, Оля поняла сразу.

— Павлов... Дмитрий...

— Та-ак. Дмитрий Ильич? Год рождения восемьдесят второй?

— Да, все верно.

Шкаф оказался почти Олиным сверстником. Она с некоторым усилием извлекла карту (которую, говоря по совести, отдавать пациентам вовсе не полагалось) и сунула ее в руки господину Павлову.

— Пожалуйста! И всего доброго!

— Спасибо, быстро вы...

— Всего доброго! — повторила Оля. Она уже кипела, но пока что «на малом огне», крышку не срывало.

— А-а-а, да-да. Пока!

Наконец шкафоподобный Павлов покинул кабинет. И Оля с чистой совестью стала собираться домой.

Но домой она попала далеко не сразу — ее сверстник, похожий на шкаф господин Павлов, ждал ее у дверей поликлиники с цветами. И оказался он совсем не валенком, а очень славным мужиком — щедрым, внимательным, ласковым. Одним словом, первое впечатление в этот раз Олю здорово обмануло.

Конечно, в отпуск они поехали вместе и потом встречались сначала каждый день, потом почти каждый день до начала сентября. Потом, правда, забот стало так много, что время для встреч пришлось не то чтобы выкраивать — выгрызть у адски заполненного расписания. Но все же встречались — и было им вместе славно и уютно.

Оля была счастлива. Впервые в жизни не она предпринимала усилия для сближения и оболщения, впервые не от нее исходила инициатива. Она просто наслаждалась каждым днем и каждым часом, проведенным с Димой, Димочкой. Ее не смущало то, что Дима неохотно рассказывает о прошлом, не знакомит ее со своими

друзьями и почти никогда не зовет к себе домой. Мало ли какие у человека могут быть причины умалчивать о чем-то...

Прошло почти полгода, прежде чем Оля с Димой, светло улыбаясь друг другу, вошли в ЗАГС, чтобы подать заявление. Это был самый конец апреля, но днем бракосочетания они выбрали начало июня — Ольгина мама умоляла дочь: «Только не в мае, Оля!» К свадьбе особенно не готовились: оба не уважали многолюдные сборища и все эти съезды родственников и банкеты на триста персон. Оля заказала столик в уютном и любимом кафе, Дима полностью согласился с Олиным выбором, как меню, так и места для празднования. В день визита в кафе он освободиться не смог — как мы помним, с приходом осени у обоих вдруг стало невероятно много работы. Теперь виделись они реже, но менее радостными встречи не становились.

Правда, Олю немного смущало, что Дима все никак не соберется перевезти к ней свои вещи — и даже зубную щетку возит с собой в сумке. Но и это, приходила к выводу Оля, теоретически можно понять. Да и где будет проходить их совместная жизнь, определиться они еще успеют.

Конечно, она уже прикинула, как переставить мебель в ее квартире, чтобы обоим нашелся уголок для «уединения», — Оля была уверена, что личное пространство людям в их возрасте нужно обязательно. Она, тоже мысленно, уже распланировала, что из Диминых вещей и мебели надо будет перевезти к ней, как сделать ремонт, чтобы Димину квартиру можно было бы сдавать... (Хотя в этой самой квартире была всего пару раз, но девочкам, с этим согласится любой, и не нужно больше времени,

чтобы осмотреться и определиться. К тому же Олина профессия тут тоже давала себя знать — внимание, отлично развитая память и столь же отлично тренированная решительность...) Само собой разумеется, сдавать только до тех пор, пока не понадобится продать их две небольшие квартирki, чтобы купить для разрастающейся семьи что-то посolidнее.

И вот наконец пришел ТОТ САМЫЙ день. Оля и Дима встретили его каждый у себя, договорившись, что приедут в ЗАГС порознь, а вот уедут, конечно, вместе.

Глава вторая

А теперь пришла пора познакомиться с Олиным окружением. Конечно, не со всем, ведь это сотни и сотни людей (напомним, что Оля весьма недурной врач). Но сейчас мы увидим только самых-самых близких: Олиных родителей и ее лучшую подругу Леру.

С Леры мы и начнем, тем более что ей предстоит сыграть в нашей истории далеко не последнюю роль.

Когда-то Оля и Лера посчитали, что знают друг друга больше половины жизни, а точнее, почти две ее трети. Чтобы не утомлять расчетами, скажем сразу, что девочки были одноклассницами — сидели за одной партой, вдвоем сбегали с ненавидимой физкультуры и с удовольствием ходили на «труды». Учились обе не блестяще, но вполне хорошо. После школы так же дружно пошли работать, обе в больницу — ведь, не без родительского влияния, они были уверены, что профессия врача, миссия спасения человека самая почетная и самая нужная. Так как ни особых денег в семьях девочек не было, ни особыми связями их семьи не обзавелись, они пошли самым длинным путем: днем работали нянечками, вечером готовились к поступлению.

Поступили в медицинский девушки тоже одновременно и на один и тот же факультет, оказались в одной группе и продолжили сидение за одной партой. И расстались далеко не сразу — хотя характеры у них были разные. Оля, ведущая в этой паре, выбрала нелегкую и не совсем

женскую профессию хирурга. Лера, куда более мягкая и уступчивая, имела к тому же философский взгляд на мир, всегда задумывалась о первоисточниках всего существующего (и Оля, конечно, немало подтрунивала над этим). Так взгляд на мир и привел Леру в эпидемиологию. Ей было интересно буквально все, и больше всего девушке хотелось, чтобы ее знания никогда и никому не пригодились.

К несчастью, государство никогда достойно не оплачивало ни усердие студентов при обучении, ни труд врачей. Поэтому и Оля, и Лера продолжали подрабатывать в той же больнице, откуда начался их «трудовой путь». И уже ближе к выпуску обоим предложили остаться (вернее, главврач сказал им, чтобы не морочили голову и перед выпуском не увольнялись, а уж место для них найдется). С хирургией у Оли все получилось относительно просто — интернатура и потом место в отделении словно ждали девушку. А вот Лере повезло меньше, и впервые за много лет девушки разошлись — красивая и такая нужная Лерина специальность оказалась далеко не столь востребованной, как об этом говорили в институте. Правда, сама девушка не очень расстраивалась — выходило, что с иммунитетом и устойчивостью к всевозможным эпидемиям у населения все в порядке. А что может быть для врача лучше, чем безделье из-за отсутствия больных? И Лера спокойно пошла в лабораторию рядовым специалистом.

С тех пор прошло, скажем осторожно, несколько больше десяти лет. Оля теперь ведущий хирург, Лера заведует лабораторией в клинике. И они по-прежнему почти каждый день идут на работу вместе.

А теперь посмотрим на Олиных родителей. Мама, Вера Ильинична, не так давно вышла на пенсию. Она всю жизнь проработала в библиотеке и потому обо всем в этом мире отлично знала (хотя честнее было бы сказать, что ДУМАЛА,

что знает все и обо всем). Отец мудро с женой не спорил, хотя уж он-то (Оля в этом была просто убеждена) на самом деле знал практически все на свете. Олин папа до сих пор преподавал в институте, мечтал о том, что студенты начнут учиться или хотя бы читать книжки.

Конечно, Олины родители расстраивались из-за того, что дочь все еще одна — и никакие увещевания этой самой дочери, сводившиеся к тому, что ей, в общем, торопиться некуда, что всему свое время и ей неплохо одной, на них не действовали. Олин отец пару раз попробовал познакомить дочку с аспирантами и коллегами с соседних кафедр, но попытки оказались, мягко говоря, не очень удачными. И отец прекратил заниматься сватовством, за что Олина мама на него рассердилась и не разговаривала целую неделю.

Сама Вера Ильинична то и дело предпринимала попытки познакомить дочь с «мальчиком из приличной семьи» (вернее, разными мальчиками). И появление очередного сына очередной приятельницы приводило ее в состояние активной свахи — дочь должна была прибыть к месту randevu с «мальчиком» немедленно, вне зависимости от ее планов, загрузки на работе или всего того, что мама считала малосущественным для возможного будущего удачного брака. Причем каждый из найденных мамой (или при мамином участии) кандидатов по определению для дочери был «отличным вариантом».

Оля давно уже махнула рукой на мамины попытки — и кандидаты были... так себе, и мамино усердие утомляло. К тому же найденные «хорошие мальчики» тоже не особенно рвались жениться по маминому (бабушкиному, отцовскому или тетушкиному) выбору.

Но Вера Ильинична не сдавалась.

Однако появлению в жизни дочери уже описанного Димы мама не обрадовалась (хотя, казалось бы, должна

была). И всем Олин выбор был нехорош — слишком высокий, слишком простой, неначитанный, просто слесарь, хоть и на уважаемом предприятии. За столом вести себя не умеет, руки просто не из того места растут (что вообще удивительно, но это же мамина точка зрения), Олю не любит — одного визита к родителям было достаточно, чтобы мама для себя все выводы сделала. Оля видела, что Дима родителям совершенно не понравился — папа пустился в философские рассуждения, а мама обиженно накрывала на стол, — но девушка так устала бороться за право распоряжаться собственной судьбой по собственному же выбору, что решила просто не обращать на это внимания. Пусть все идет как идет.

К Олиному удивлению, ровно через неделю мама сменила гнев на милость.

— Оленька, вы когда с Димой к нам придете?

Звонок раздался в тот самый момент, когда должна была начаться летучка.

— Господи, мама, не сейчас! Я перезвоню тебе через полчаса!

— Что, ты уже не хочешь с матерью говорить?.. — успела еще услышать Оля, прежде чем прервала разговор.

Главный не очень любил, когда коллеги отвлекались, поэтому она перевела телефон на беззвучный режим, но по вибрации понимала, что мама от попыток «поговорить» вовсе не отказалась.

Однако и освободившись, Оля не торопилась включать звуковой режим — она отлично знала маму и понимала, что такая резкая смена настроения грозит еще одним, а может, и не одним неприятным разговором. И под конец дня (после одиннадцатого неприятного звонка) сдалась, набрав домашний номер.

— Мам, привет.

— Только сейчас нашла время? Не могла раньше позвонить? — Интонации голоса Веры Ильиничны не предвещали ничего хорошего.

— Ма-ма, я на работе. — День выдался относительно спокойным, и Оля была само терпение.

— И что? Неужто для матери пяти минут жалко?

Оля промолчала. Подобные слова она слышала еще от бабушки — когда та звонила маме на работу, а теперь вот мама на ней отрабатывает уже отлично изученную тактику. Но сегодня разговор не пошел по накатанной колее, чему Оля сначала даже обрадовалась.

— Ну хорошо, — сменила Вера Ильинична гнев на милость. — Так когда вы к нам придете?

— Так мы же были в прошлое воскресенье, мам. И Дима ни тебе, ни папе не понравился. Вот я и подумала...

— Ты бы поменьше думала, детка! — Яду в мамином голосе позавидовал бы любой отравитель. — Значит, так, в субботу, послезавтра, мы ждем вас вечером...

Оля мысленно стала перелистывать календарь — неужели она позабыла о каком-то важном событии в семейной летописи? Но нет, до отцовского дня рождения было далеко, мамин прошел всего два месяца назад. День родительской свадьбы? Бабушкин день рождения?

— Именно в субботу? Вроде ж никакого праздника нет...

— Именно в субботу! И, конечно, праздник есть! Это и будет новый наш праздник, первый праздник вашей, деточка, семьи — у нас в субботу твой Дима должен сделать тебе предложение!

Тут Оля на какое-то время онемела. Димка, конечно, чудесный, стать его женой было бы и в самом деле неплохо. Но почему это надо делать у родителей и именно тогда, когда укажет мама, а не тогда, когда он сам решится?

И Вера Ильинична тут же ответила на этот вопрос:

— Иначе вы станете жить нерасписанными! И я умру от стыда перед тетей Светой и Галиной Валерьевной...

«Так во-от в чем дело! Мама, значит, умрет от стыда...» Оля стала закипать и собиралась закричать, но, оказывается, это было только начало монолога.

— ...у тети Светы уже скоро второй внук будет! У Валерьевны трое зятьев — и все чистое золото. А моя дочь мало того, что не замужем, так еще и намеревается жить с каким-то простым мужиком! Или расписывайтесь, или немедленно брось его! Вон у Софьи Васильевны Адик какой хороший! Отличный вариант!

Оля набрала полную грудь воздуха, чтобы ответить, но говорить ничего не стала: и бессмысленно — мама ничего не услышит, и противно. Тем более что разговор-то на работе, вокруг люди. Не стоило посвящать их в сложности отношений с истеричной мамочкой.

— Хорошо, мам, — сказала Оля. — В субботу у вас. Если что-то изменится, я в пятницу тебе сообщу!

— Да что может измениться?..

Но Оля уже прервала разговор, не дослушав очередного монолога матери.

К счастью, отец в материны матримониальные планы не вмешивался. То ли лень было с женой спорить, то ли он во всем с ней соглашался. Одним словом, мама перла как танк, отец молчал. А Оля, единственная и любимая дочь, замуж не собиралась — при этом Вера Ильинична была убеждена, что исключительно назло ей.